

18+

Михаил Титов

**Дочки-матери
и другие
истории
о любви**

Михаил Титов
Дочки-матери и другие
истории о любви

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72090787
ISBN 9785006727007*

Аннотация

Вы хотели позитивных историй? Их есть у меня. В сборник вошли рассказы разных лет. Все они – только про любовь, разделенную и нет, мучительную и светлую, большинство рассказов все-таки с благополучным финалом, чего нам так сейчас не хватает. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Две ветлы и куст сирени

5

Конец ознакомительного фрагмента.

70

Дочки-матери и другие истории о любви

Михаил Титов

© Михаил Титов, 2025

ISBN 978-5-0067-2700-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Две ветлы и куст сирени

1.

– А повидлом тебе рожу не намазать?!

Анька косится на меня через плечо и кривит физиономию: вот-вот язык высунет. Сдерживается. Губы плотней сжала. Мы с ней вчера, по-моему, разругались. Хотя точно сказать не могу. То, что я немного был неадекватен вчера, это факт. Остальное – в тумане. Я думал, она сегодня со мной вообще разговаривать не будет, но Анька – женщина характерная. В смысле, никогда не знаешь, куда ее характер повернется. Видно, что дуется, а разговаривает. Другая на ее месте ни слова не выдавила бы.

– Ладно, без сопливых обойдемся. Сварю кофе сам.

– Вот и вари, – уже почти беззлобно, по-моему, ворчит Анька. – Тем более, что его нет.

– Как нет?! Еще вчера...

– Вот именно: еще вчера. Я вчера твоим вшивым кофеём посуду помыла.

– С чего это вдруг?

– А с того! Не могла смотреть на твою счастливую морду. Ты хоть помнишь, что нес вчера?

Вчера на работе мы отмечали день рождения Марины Сергеевны, начальницы нашего отдела. Тетка она душевная, из породы безвозрастных молодух. Сколько ей исполнилось,

естественно, вытаскивать из нее не стали. Из приличия. Все и так знают. Спасибо Ольге-кадровичке, подшустрила, сдала ценную информацию без боя. Вот она всех удивила, когда заявила, что нашей Марине уже 53. А на вид больше 40 не дашь. Конечно, Марину Сергеевну мы в известность не поставили, что теперь ее тайна – общественное достояние. Чего уж тетку расстраивать?! Хотя она вряд ли всерьез расстроилась бы. Посмеялась бы вместе со всеми – это точно. Но все равно, народ у нас, не смотри, что журналисты, по большей части тактичный, потому промолчали деликатно.

Душевная широта Марины, а иначе мы ее между собой и не называли, вчера развернулась по полной. Пол-ящика водки, по 10 бутылок сухого и шампанского на 25 человек, конечно, с перебором было. Но Марина, видимо, решила кутить так кутить. Мы даже хороводы водили. Я почему-то все время рядом с Мариной оказывался. Напоследок, помню, даже поцеловал ее. Из вежливости и чувства благодарности за организованный праздник. Может, и напрасно. Сантиментов у нас ой как не любят. Любое проявление чувствительности тут же будет высмеяно – в лучшем случае, или трактовано как прогиб перед начальством – в худшем. Но вчера на общественное мнение мне было плевать с самой высокой высоты нашего города. Этажа так с шестнадцатого... В общем, домой я пришел не то что бы на рогах, а на чем-то таком, на чем ходить и вовсе невозможно. Потому абсолютно

не помнил, что мог нести.

– И что было-то? – осторожно поинтересовался я.

– Ой, только не делай вид, что ничего не помнишь, – Анька махнула рукой. – Такой ахинеи я от тебя еще не слышала. Ты меня, между прочим, сукой обозвал. Причем, дважды.

– Сукой? – покраснел я.

– Именно сукой. А еще и из дома выгонял.

– Я?! Не может быть! – я просто зарделся.

– Еще как может. Ну не я же кричала себе: сваливай с квартиры, сука!

– Ты что-то путаешь! – пошел я напролом. – Такого просто быть не может.

– Значит, смогло, раз было. Сука – это вообще что-то новенькое в твоём репертуаре.

– В смысле?

– В смысле: раньше ты себе такого не позволял. Даже будучи пьяным.

– Анют, ну давай оставим это «будучи» в покое, а? – заканючил я. – Ну, все забыто?!

– Суку, я думаю, забуду не сразу, – отрезала Анька.

– Я даже не представляю, как я мог тебя сукой назвать. Главное, с чего вдруг? Сукой...

– Это у тебя надо спросить, дорогой. Чем, интересно, я тебе так насолила за пять лет совместной жизни? Пусть и в гражданском браке.

– Ну, прости, ладно? – как можно жалостней проскулил я.

Анька равнодушно пожала плечами.

– Не знаю, честно говоря. Наверное, прощу. Но...

– Обиделась на пьяный бред?!

– Я не об этом. Бред он и в Африке – бред. Тем более, что не в первый раз уже.

– Ты хочешь сказать, что я и до этого сухой тебя называл?! – притворно ужаснулся я.

– Слава Богу, нет. А то, что говоришь много в бессознательном состоянии... Да, ладно, не будем о печальном. Я, знаешь, о чем я хотела с тобой поговорить сегодня? – Анька потерла бровь.

– Разговор серьезный? – я улыбнулся, думая, что Анька оттаяла.

Но Анька на мой расползшийся в улыбке рот даже внимания не обратила, присела на табурет, облокотилась о кухонный столик, внимательно посмотрела на меня и перевела взгляд на жалкую традесканцию, одиноко висевшую на стене.

– Цветок полить надо? – по-своему понял я ее.

– Потом польешь, Слав. В общем, не буду тянуть. Лучше сразу сказать, а то не решусь. Я ухожу, – выпалила после небольшой паузы, но глазами осталась там, на традесканции.

– В смысле? – напрягся я.

– Ты какой-то непонятливый сегодня, – Анька поднялась и, взяв с подоконника детскую леечку с желтым цыпленком сбоку, стала поливать хилую плеть цветка. Вода, заполнив

горшок, тонкой струйкой перетекла через край, и мы оба устали на грязную лужицу, расплывшуюся по полу.

Смысл ее слов до меня дошел сразу, однако я все не мог поверить до конца, что она решилась заговорить об этом. В квартире и раньше витали, словно легкий ветерок, несущий грозу, смутные предчувствия разлада, но именно сегодня они, наконец-то, приняли четкую форму. Только сейчас меня не покидало чувство, что она скажет: «Шутка!» – и рассмеется.

– Ты все это... серьезно?

– Куда уж более, – Анька бросила тряпку, накрывая лужу, и прижала ногой. Ткань тут же пропиталась водой.

– А почему сегодня?

– Так сошлось, – Анька брезгливо подняла тряпку двумя пальцами и швырнула ее в мусорное ведро. – Я, наверное, просто устала.

– Тебе не кажется, что ты и со мной вот так? – я кивнул в сторону мусорки.

– Если ты заметил, с тобой я сделала это куда нежнее и деликатней, – усмехнулась Анька.

– Ты специально выбрала время, когда я с похмелья, когда я болею, и половины из сказанного не понимаю? Специально, да?! – я не на шутку разозлился. – Давай поговорим об этом вечером.

– Вечера не будет. Я уже решила.

– Я ничего не понимаю, – схватился я за голову. – Ты ме-

ня шантажировать опять пытаешься?! Да я и так согласен на тебе жениться. Давай распишемся, если тебе оно так надо. Только зачем весь этот спектакль?!

– Если ты думаешь, что это был шантаж, то ошибаешься. Это было всего лишь желание упорядочить как-то наши отношения. Вот и все. Но, – Анька, словно пистолет, наставила на меня указательный палец, – сейчас я этого не хочу. Просто я кончилась. Понимаешь, меня больше на тебя не хватает. Я не «Энерджайзер». Батарейки сели. Я вся вышла. И думаю, на этом надо поставить точку. И в разговоре, и вообще...

Анька вышла из кухни, так и не посмотрев на меня. Догонять я ее не стал: не люблю дешевые мелодрамы. Перед тем, как хлопнуть дверью, Анька крикнула с порога:

– Ключи я оставила на тумбочке. Пока.

– И это все?! – вдогонку бросил я.

– Пока.

– Что – пока? – ухватился я за двусмысленность этого слова, но Анька уже зацокала каблучками по лестнице.

Традесканция выжимала по капле воду из горшка. Она плюхалась о линолеум совершенно не в такт Анькиным шагам.

2.

Это обряд. Точнее даже – ритуал, который обязательно нужно блюсти. Ежедневно. Иначе ничего не получится потом в течение дня: удачи не будет. Сигарета на голодный же-

лудок. Что может быть слаще?! Одно неудобство – перекур в туалете. Хотя привычно уже. (Анька не хотела вписываться в нынешний стандарт: не курила принципиально, не то что бы так о здоровье пеклась, просто не хотела идти в потоке. Так она говорила. И потому курить в квартире мне было запрещено сразу же, как только мы решили обзавестись с Анькой общим хозяйством. Это было одно из ее условий. В принципе, не самое страшное. Ну и что в этом такого?) Сел на унитаз и задымил вверх, стараясь выдохнуть дым как можно выше, к вентиляционному отверстию. Потом – кофе. Потом – душ. Потом – бегом на автобус. И с облегчением закурить еще раз перед входом в родную контору. Сегодня можно было нарушить установленный порядок, и выкурить сигарету прямо на кухне.

Вытащив сигарету, я бросил пачку на стол, поставил рядом пепельницу и чиркнул спичкой по коробку. Спичка проехала по ребру, но не зажглась. «Точно как в советской мелодраматической пьесе, – подумал я. – Там вечно спички гаснут. Герой нервничает от переживаний... Нет, там спички ломаются. Ну и ладно». Вторая спичка зажглась уже нормально, безо всяких закидонов, просто вспыхнула и загорелась ровным пламенем, и это почему-то укрепило во мне уверенность, что Анькин уход – всего лишь небольшое недоразумение, которое разрешится в самое ближайшее время.

Так и просидел целый час, ломая голову над причинами Анькиного ухода. В конце концов, опять утешил себя выво-

дом, что сказанное ею «пока» еще не означает окончательно прощания, и она, перебесившись, вернется. Мало ли, человеку захотелось одному побыть. С этими мыслями и стал собираться на работу.

– Голова на месте?! – вместо приветствия бросил мне Антон, сосед по кабинету.

– Да вроде на месте, – отмахнулся я.

– А чего хмурый такой? – не отставал Антон.

– Поживи с мое, – я попытался отвязаться, и Антон, сообразив это, уткнулся в компьютер.

– Ладно, потом поговорим. Когда в себя придешь, – беззлобно сказал он.

Приоткрылась дверь и в кабинет просунулась Ольга-кадровичка, выполнявшая по совместительству еще и роль секретарши.

– На планерку, – улыбнулась она. – В 11 у Марины.

– А что так рано? – оторвался от монитора Антон.

– Там и узнаешь, – Ольга захлопнула дверь.

– Сама-то Марина, интересно, к 11 подгребет? – Антон застучал по клавиатуре. – Курить пойдешь? – повернулся он ко мне.

– Ну пойдём, покурим-ка, – нехотя кивнул я. – Перед планеркой.

В туалете Антон хитро прищурился и, выпуская дым в потолок, как бы невзначай спросил:

– У тебя с Мариной вчера что-то было?

– В смысле? – я чуть не подавился дымом.

– Ну вы так нежно с ней обнимались в танце.

– С ума сошел, что ли? Я похож на геронтофила?!

– Да, ладно, чего обижаться?! Она тетка ничего себе еще.

В самом соку.

У Антона все на одну тему. Жаль, в России пока нет курсов для сексуально озабоченных: ему там самое место. Об этом я Антону и сказал. Он даже вида не сделал, что обиделся.

– А я бы ей...

Но тут, по счастью, скрипнула дверь, и Антон замолчал. В туалет зашел главный редактор нашей газеты – Иван Петрович.

– Что, молодежь, курим? – спросил он в ответ на наше «здрасьте».

– Угу, – поддержали мы разговор.

– Ну-ну, – донеслось уже из кабинки сквозь журчание струи. – На планерку к вам зайду, – сказал уже на выходе Иван Петрович. – Марине Сергеевне передайте.

Антон тяжело вздохнул.

– Что ему на нашей планерке надо? Опять начнет чушь нести. Маразматик.

С головой у Ивана Петровича, видимо, в самом деле были серьезные проблемы. В прошлый раз, вот так же неожиданно зайдя к нам на внутреннюю планерку, он заявил Марине,

что пора переходить на позитив. Дескать, жизнь меняется, и надо следовать в фарватере, а не плыть против течения. Или, как позднее переформулировал это Антон, «не ссать против ветра». Нашу газету все больше прибирала к рукам администрация области, и, естественно, нам отводилась роль «коллективного агитатора и пропагандиста». Не знаю, какой резон у них там наверху был, но вливание бюджетных денег чувствовалось все больше и больше. Не столько по возросшей зарплате, сколько по появлению на полосах материалов, явно проплаченных чиновниками из местного Белого дома. Когда в очередной раз Антону дали редакционное задание написать про подъем коллективного сельского хозяйства, а до того он писал исключительно про его развал, Антон вздохнул и с видом мученика произнес: «Против ветра не посышь. А в колхозе хоть мясом разживусь, и то хорошо».

В отделе социальной жизни нас было семеро. Если перечислять по кабинетам, то мы с Антоном, две Гальки – по соседству, дальше – Игорь и Татьяна. Правое крыло нашего этажа. Напротив – бухгалтерия, кабинет Марины Сергеевны, она завсоцотделом и писем, ну и еще фотолаборатория, которой, по-моему, лет 15 уже никто не пользуется.

На планерку пришли все. Даже Галька Вторая, которая обычно раньше двенадцати на работе не показывалась. Она тщетно пыталась вести в газете рубрику «Светская жизнь»,

которой в провинциальном городке было не то что малова-то, а, по-моему, вообще не существовало. При этом Галька делала вид, что эта пресловутая светская жизнь бурлит кипящим варом. Бедная Галька пропадала ночи напролет в каких-то клубах и кабаках, где тусовалась местная полубогема: сплошь несостоявшиеся художники, поэты и писатели. Приходя к полудню, она, позевывая, заглядывала в наш кабинет и небрежно бросала что-то вроде того:

– Вчера в «Хромой лошади» была на перформансе. Концептуальная штучка, скажу я вам. Столице и не снилось. Главное, все по-честному, без выпендрежа. Пойдемте перекурим, что ли? А то у меня художники все расстреляли.

Однажды я побывал на таком перформансе. Галька же и затащила. И это был мой последний выход в ее свет. Помню, вдоль стойки бара ходила полуобнаженная девица. Из одежды на ней были только красные трусы, да и тех практически не было видно под густым слоем взбитых сливок. Девушка была явно утомлена или пребывала в тяжелой депрессии. Я сказал об этом Гальке, и та спросила: с чего это я вдруг так решил?

– Посмотри на ее спину, – кивнул я. – Она сутулится. И еще у нее ноги плохо выбриты. Ей явно не до этого шоу.

– Не выдумывай, – пожал плечами Галька. – Ноги у нее в сливках. Что ты там мог рассмотреть?

Девушка-торт прошла мимо нашего столика, я подмигнул ей ободряюще, но девица не повелась и, скользнув

по мне глазами, равнодушно обвела отсутствующим взглядом и остальную публику. При этом она старательно улыбалась, мучительно растягивая рот.

– Это символ какой-то? – стараясь перекричать музыку, спросил я у Гальки.

– Конечно, – многозначительно вскинула брови Галька. – Это же концептуальная вечеринка. Девушка – символ сладкой жизни.

– Кондитеры гуляют?! – крикнул я.

– Сам ты кондитер! – обиделась Галька. – Сегодня вечер памяти Мэрилин Монро.

– А причем здесь сливки?

Галька отмахнулась от меня как от безнадежно тупого.

– Хочешь приобщиться к сладкой жизни? – Галька показала пальцем направление.

Я повернулся. Девушка по-прежнему ходила между столиками, и каждый из присутствующих пытался облизать ее. Девушка иногда нервно подергивала плечом.

– А кто платит? – потер я пальцы.

Галька углом рта ответила:

– Какая разница?! Весело же.

– Угу, – сказал я скорее себе, чем Гальке. – Я пошел.

– Как хочешь, – Галька обиженно поджала губы.

«Тюби-тюби-тюби-ду. Па-па-па-па», – пропела Мэрилин в сливках мне на прощание. Я обернулся. Толстяк в белой рубашке, промокшей под мышками и на спине, так приник

кходячему торту, что его не могли оттащить двое охранников. Галька помахала мне рукой и тут же весело зааплодировала. Секьюрити все-таки оторвали толстяка от Мэрилин.

Марина сурово окинула взглядом нашу небольшую редакцию и не своим голосом – строго и казенно – произнесла:

– Нас ждут великие перемены.

– А дела? – съязвил, как обычно, Антон.

– Что дела? – не поняла Марина.

– Дела великие нас ждут?! – переспросил Антон. – Или только перемены?

– Шутить, Суворов, будете потом, – отрезала Марина. – Если желание появится. В общем, пока нет Ивана Петровича, выкладываю как на духу. Газета почти продана администрации, и они, – она показала большим пальцем на потолок, – становятся собственниками, по-моему, уже через месяц. Редакционная политика, как вы понимаете, меняется. Вопрос это уже решенный. Наши структуры нас содержать не могут. Да и не позволят им сейчас баловаться собственной газетой. Что будет дальше – не знаю.

Марина перевела дух.

– И последнее: говорят, нас сольют с «Областной газетой». У меня все. Ждем Петровича.

Иван Петрович не заставил себя ждать. Сухо кивнув Марине, он уселся рядом с ней и без предисловий, почти слово в слово, пересказал нам выступление Марины. Правда, бо-

лее официальным языком и с некоторыми, не проясняющими сути вставками.

– Делается это ради нашего же блага, – подвел итог Петрович. – ЗАО «Стройинвест», наш основной владелец, практически отрезан от государственной кормушки, заказов нет, так что содержать нас они не смогут. В этой ситуации я вижу только один выход: сдать власть без боя. В общем, разворачиваемся и ложимся на властный курс. Времена меняются, – развел руками Иван Петрович. – И как я уже говорил некоторым товарищам, усилие позитивную составляющую материалов. Все понятно?

– Под каблук, значит? – сурово посмотрела почему-то на меня Галька Первая.

– Есть другие варианты? – приподнял бровь Петрович.

– Может... – начало было Галька, но Петрович отмахнулся от нее и ни слова не говоря, вышел.

– Вячеслав Анатольевич, вы как старший редактор отдела усилие позитивную социальную направленность, – после небольшой паузы нехотя произнесла Марина Сергеевна. – Времена, как верно заметил Иван Петрович, меняются, и нам пора от чернухи перейти к позитиву. Тем более, что примеров достаточно.

– Угу, – потер я подбородок. – Времена не выбирают.

– Я рада, что вы так хорошо понимаете редакционную политику, – сухо сказала Марина. – В общем, больше позитива. Пусть читатели видят, что черная полоса закончилась.

– Жить стало лучше, жить стало веселей, – отчетливо прошептал Антон.

– Да, можете острить, Суворов, – разозлилась Марина Сергеевна. – Читатель хочет видеть жизнь в красках, а не квадрат Малевича. Всем ясно? – обвела она взглядом стол.

– Куда уж ясней, – вздохнули обе Гальки сразу.

В коридоре обе так же синхронно загалдели:

– Что теперь будет?! Это же труба. Нам что теперь агитки писать?!

– Прощай, «Светская жизнь»! – ухмыльнулся Антон и ткнул Гальку Вторую в бок.

– Тебе, Суворов, конечно, проще всех придется, – скривила губы Галька. – Ты уже лег на курс.

– На кого я лег, не ваше дело. А журналистика, дорогая Галя, это почти политика. Я же не убеждения продаю, а свое умение ясно и красиво излагать мысли.

– Они у тебя есть, убеждения-то, философ ты наш? – усмехнулась Галька.

– Представь есть. Но они глубоко спрятаны.

– Вот-вот, – Гальки фыркнули и пошли в женский туалет: перекурить нервное потрясение.

– Может, тоже пойдем покурим на нервной почве? – предложил Антон.

– Вячеслав Анатольевич, зайди на минуту, – раздался неожиданно за спиной голос Марины Сергеевны.

– Сейчас? – несколько растерялся я.

– Сейчас, – улыбнулась Марина.

– Ну, ладно, потом покурим, – и Антон двусмысленно подмигнул мне.

– Какой-то ты сам не свой, – начала Марина Сергеевна, посмотрев на меня поверх сдвинутых на кончик носа очков. – Что-то случилось или ты из-за этих новостей такой подавленный?

– Все нормально, – отмахнулся я.

– Хорошо, тогда обойдемся без предисловий, – Марина поправила прическу. – В общем, хочу сделать тебе деловое предложение. Ты сколько у нас уже работаешь?

– Одиннадцатый год, – прикинул я.

– В самый раз. Предлагаю тебе занять мое место.

– Не понял.

– Объясняю, – Марина почесала висок. – Меня позвали в пресс-службу администрации области. Петровичу я еще об этом не говорила, обдумывала пока. А сегодня вот решилась. Ну и, как понимаешь, должна буду ему вместо себя кого-то представить. Думаю, ты самая подходящая кандидатура. Время на размышление дать?

– Как-то это неожиданно, во-первых. А во-вторых, скажу честно, Марина Сергеевна, не люблю я начальственных должностей. Не мое это.

– Но ты же работаешь редактором?! – возразила Марина.

– Так это совсем другое. Я же людьми не команду.

– Ну, мало ли. Человек ты неконфликтный, с головой, пишешь неплохо. Думаю, руководитель из тебя получится.

– А я так не думаю. Не мое это, Марина Сергеевна, понимаете? Я себя лучше знаю. Скажу вам больше, я боюсь быть начальником. Мне кажется, у них крышу сносит напрочь.

Марина засмеялась.

– Ну, спасибо, – сквозь смех произнесла она. – Значит, с головой и я не дружу?

– Сейчас не о вас ведь речь, – смутился я. – Ну, правда, не мое это. За предложение, конечно, спасибо, но – нет.

– Слава, подумай как следует. Я тебя торопить не буду. Давай завтра ты скажешь мне окончательное решение. Целого дня, думаю, будет достаточно, чтобы прикинуть все плюсы и минусы.

– Да я уже, собственно, все сказал.

– Отказа я сегодня не принимаю. А вот завтра посмотрим.

– Хорошо, завтра так завтра. А вы-то с чего вдруг решили уйти?

– Покоя захотелось. Без всякого кокетства говорю. Пора на пенсию. Устала я что-то от журналистики. Попишу до заслуженного отдыха отчетики.

– Вот и я устал от нее.

– Ладно-ладно, – отмахнулась Марина. – Не ищи повод сейчас. Все равно не поверю. Давай иди уже, думай.

– Ну что, она тебе вставила?! – оторвал голову от монитора Антон.

– Нет, – помахал я головой.

– Не хочешь говорить, не надо. Последний вопрос можно?

– Что? – сухо спросил я.

– Ты сегодня целый день будешь таким загруженным или к вечеру отойдешь? – Антон расплылся в улыбке. – Могли бы пивка пойти попить.

– Я думал, ты о планерке спросишь, – удивился я.

– А чего тут спрашивать?! – пожал плечами Антон. – Дела яснее ясного. Какая разница, кого обслуживать: ЗАО «Стройинвест» или администрацию области. Главное, чтобы деньги платили. Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать, – выдал Антон и вновь уткнулся в компьютер.

3.

Господи, все это уже было. Столько раз, что я начинаю сомневаться в здравии своего ума. Меня целый день не покидало ощущение, что этот сон мне уже снился и не раз. И события в нем повторяются с завидной и пугающей последовательностью.

– Ну что насчет пива? – отключая компьютер, спросил Антон.

Я удивленно посмотрел на него.

– Забыл уже, что ли, старик?! – Антон хлопнул меня по плечу. – Встрепенись и за мной.

– По-моему, ты повторяешься, Антон, – я в задумчивости посмотрел на него. – Тебе не кажется, что все это уже было.

– Да, я не оригинален. Но, заметь, постоянен в своих страстях. Идешь или нет?

– Нет, я сегодня что-то подустал от цикличности.

– В смысле? – удивился Антон.

– Понимаешь, я даже это «в смысле» слышу уже не первый раз в жизни.

– История развивается по спирали, – засмеялся Антон. – Тебе ли этого не знать?! Все повторяется, а уж слова тем более. Может, тебе по-немецки повторить? Для разнообразия? Тогда «steht auf und kommt zu mir»! Этого ты точно слышать не мог.

– Ступай без меня. Я посижу еще.

– Как хочешь, – не расстроился Антон. – Позову Игоря. Он не откажется.

Анька сказала «пока». Она не сказала «катись к черту», не сказала «вали на фиг», не сказала банального «прощай». Она сказала «пока». Это долбанное «пока» крутилось в башке со скоростью циркулярной пилы, разделявшей мозги на ровные пластинки. И в каждой – клонированное «пока». Пять лет мы с ней прожили под одной крышей, за пять лет выучили друг друга наизусть, успели надоесть друг другу, но при этом и срослись друг с другом так, что не разорвать. Мне, во всяком случае, так казалось до сегодняшнего

утра. А вот, поди ж ты, все не так оказалось, как казалось. Только – надоели. Видимо, просто. Надоели – и все. Пока. Ключ на тумбочке. Она же все про меня знает. Из-за этого? Ну, не из-за «суки» же, сказанной по пьяни. Скорей всего, именно моя раскрытость перед ней и привела к ее уходу. Я стал неинтересен. Я успел выболтаться в первый год нашей совместной жизни. Может, стоило бы умолчать что-то, не выдавать сразу полную порцию да еще и с добавками. Я силился вспомнить, что она мне рассказывала о себе, но не получалось. В пластинах, нарезанных циркуляркой, остались только ее институт, ее место работы, ее домашний халат, ее привычка по утрам обязательно съесть зеленое яблоко. Да, еще она любила Мураками, которого я терпеть не мог из-за его однообразия. Боже! Это все, что я знаю о человеке, с которым прожил 5 лет?! Она-то, в отличие от меня, помнила все мои истории. Все до единой.

...

Серое утро, разбавленное робкой желтизной холодного зимнего солнца. Резкий звонок будильника, раздающийся всегда позже установленного времени. Поэтому надо, не мешкая, выпрыгивать из-под теплого одеяла в холод остывшей за ночь комнаты, судорожно натягивать на себя любые теплые вещи и бежать сквозь неприязнь стен, пола и окон на кухню, где нужно плеснуть в лицо ледяной воды и тут же утереться полотенцем. Услышать звонок, выпрыгнуть, побегать, промчаться, вернуться, чтобы встать на стар-

товую дорожку дня и не сходить с нее до позднего вечера, когда все процедуры приобретут почти антонимическое значение.

И этот день в череде мгновенно кончающихся, состоящих только из подъема и отбоя дней не отличим, не выделен, не помечен ничем особенным. Разве лишь тем, что именно этот день по чьей-то прихоти стал днем моего рожденья...

Я проснулся. Я чувствую это по тому, что болит рука, в горле першит, а голова налита свинцовой тяжестью. Теперь главное, не заглядывая в зеркало, промчаться на кухню и растереться полотенцем, размять мышцы, привести в порядок лицо. Потом можно будет и в зеркало заглядывать, прыгать возле него, поднимать гантели и даже строить рожи, дразня себя, противное отражение.

Выходя на улицу, закутывая больное горло шарфом, вдруг вспоминаю: день рождения. У меня. Сегодня. Не ошибаюсь ли? Заглядываю в календарик. Четверг, 17-е. Он самый. День моего рождения.

Я помню, помню до последней (точнее бы – первой) минуты каждый свой день рождения. Я могу пробежаться от моего нынешнего состояния тридцатилетия по ступенькам возраста вниз и безошибочно вспомнить каждое семнадцатое число одиннадцатого месяца. Каждое, повторяюсь. Кроме – дня самого рождения. Когда черная мокрая головка, разрывая плоть, пробилась к свету, а увидев его, жалобно запищала от страха, боли и нежелания покидать теплый, такой уют-

ный материнский живот.

Год за годом. 30, 29, 28, 27... Прошлое. Лет 19. Тишина. Целый день. Я один. На столе – торт. Стынет чай. За окном – ни звука. Уже – отчаяние. Но – веселый топот. Звонок. Улыбки, подарки. И мое счастливое растерянное лицо, готовое расплакаться.

Позапрошлое. Лет 18. Я встречаю свою девушку и пытаюсь пригласить ее в кафе. Она отказывается, потому что стесняется меня. Она старше на три года. Ей нужен солидный человек. Я – временно, пока не подвернется нужная кандидатура. Самое глупое и обидное – я все понимаю. Делаем вид, что никакого дня рождения нет и в помине. Прощаемся как ни в чем не бывало. Навсегда.

17 лет. Школа. Есенинский вечер. Я читаю стихи. Грусть. Моя и Есенина... Поздний вечер. Снег. Я иду с кем-то на застывший пруд. Весело. Говорю всем, что именинник. Никто не верит, но поздравляют.

16 лет... 15 лет... 14... 13... И так до бесконечности. Точнее, до определенного момента в существовании послеродовом...

Если вспоминать все боли и обиды, приносимые мне в качестве подарков на дни рождения... Но лучше молчать об этом. Я же не мазохист, чтобы ковырять болячки души.

Сегодня мой день рождения. Надо сделать веселое лицо. Шире, шире рот. Вот так. Я весел, счастлив, доволен. Я рад,

что живу. Что сегодня мой день рождения. Я никого не приглашаю. Я сам обхожу всех и поздравляю со своим днем рождения. Все – бегу. День начался.

...Я бреду по сонным улочкам города и тихо плачу. Меня сегодня обидели. Незаслуженно, на мой взгляд. Отшлепали за то, что я просил мелочь у магазина. В магазине продавались леденцы на палочке. Они стоили пять копеек, и мне не хватало двух или трех монет до заветной суммы. Я подходил к прохожим, робко протягивал руку и, как мне казалось, жалобно просил подать на... леденец. Я точно помню, что срисовал этот жест у нищих, которые, сидя у входа в церковь, куда мы ходили с бабушкой по воскресеньям, постоянно просили подаяние. Правда, у них была несколько иная формулировка счастья: «Подайте, Христа ради, на хлебушек!» Я же не мог просить на хлеб, хлеба хватало и дома, а вот леденцов был явный недостаток, и потому их очень хотелось.

Мне отчего-то не подавали. А одна внушительных размеров тетка даже пообещала рассказать об этом матери. Наверное, она это и сделала, раз вечером меня выпороли.

«Пусть они теперь поплачут, – мстительно думал я, идя по ночному городу. – Вот заглянут в спальню, а меня там нет. «Где Слава?» – спросят, а им ответят: «Нет его. Сбежал. Не любите вы его».

И родители заплачут, побегут меня искать, будут ездить

по городу в поисках, а я в это время уйду далеко-далеко и найду себе новых родителей. Не нужны мне такие.

Слезы текут все сильнее и упорней, и я уже не могу сдерживать их. Как жаль мне и себя, несчастного, и маму, которая теперь, наверняка, убивается от горя, и отца, успокаивающего (я представляю это себе в точности до штрихов) мать, и вообще весь мир, оказавшийся маленьким и злым.

...Бегство оказалось пустым. Утром следующего дня, вдоволь набродившись по пустым ночным улочкам, я вернулся с повинной и, покаявшись, спокойно, без лишних угрызений совести, забрался под теплое одеяло спать, чтобы, проснувшись, забыть уже обо всем, что было до сна... Так проходит один из моих дней рождения.

...Опять ночь. Я почему-то не сплю. Гляжу в окно и думаю о том, что пора бы определяться: дружить мне с ней или нет? Пока я об этом только размышляю, она (это выяснится несколькими днями позже), оказывается, уже встречается с другим. А я-то надеялся, что ее полные любви взгляды предназначались лишь мне. Ошибался. Что ж, бывает. Пока же я все размышляю, как бы сказать ей, что она нравится мне, и я хочу с ней встречаться. Пишу ей об этом записку и утром незаметно подкладываю в парту. Жду ответа. Но все безрезультатно. После уроков она даже не смотрит на меня и спокойно уходит домой, не сказав ни слова. Я растерянно смотрю ей вслед. Огромный бант на ее голове постепенно

превращается в розовое пятнышко.

...Даже умерев, человек остается зависимым от других. Нигде ему нет покоя. Ни до смерти, ни после нее. Впервые я поймал себя на этой мысли в классе шестом. Шел урок геометрии, учительница чертила на доске разные фигуры, и я вдруг отчего-то подумал, впервые за все время своего существования, что человек смертен, что даже Пифагор, если верить математичке, величайший ум, а все-таки умер, и его бездыханное тело попало в руки родственников, которые похоронили его сообразно своим представлениям о похоронах, несколько не считаясь с тем, что умер ум... Одномоментное сознание человека не позволяет ему заглядывать далеко в будущее. Если бы я знал тогда, что год за годом мне придется встречать и провожать одних и тех же людей, а чем дальше, тем больше – провожать, может быть, я набрался бы смелости уйти. Но возраст двенадцати лет еще не то время, когда всерьез думают об уходе. Я подумал об этом и забыл. До поры...

4.

– Не слишком ли умные мысли для мальчика двенадцати лет? – спросила тогда Анька. – Тебе не кажется, что ты это только сейчас придумал?

– Может быть, – согласился я. – Но мне кажется, что все так и было. И сейчас я просто оформил свои тогдашние рас-

пльвчатые образы. Придал им форму.

– Но ведь это совсем не то, – возразила Анька. – Ты накладываешь свой нынешний опыт на детские впечатления. Ты себя обманываешь. Это знаешь, как называется? «Создавать альтернативную реальность». Ты создаешь то, чего не было, да и не могло быть по определению.

– Ты не понимаешь! – возмутился я. – Все это было! И мысли были, и поступки. Другое дело, что я, может быть, немного додумал, досочинил, но факт остается фактом.

– Ты со мной разговариваешь сейчас прямо как со страниц газеты, – неожиданно обиделась Анька. – Менторским тоном.

– В чем здесь менторский тон? В том, что я пытаюсь тебе что-то объяснить?!

– Ни в чем! – Анька обиделась окончательно и ушла на кухню.

Я раскинулся на диване и стал глазеть в кусок неба, застрявший в оконном проеме. Пролетела черная птица, помахала веткой одна из старых вётел, растущих рядом с домом. Их все собирались спилить. Деревья были огромные, росли рядом, и потому закрывали окна практически целого подъезда нашей пятиэтажки. Говорят, на месте этого дома когда-то протекала речка, скорее даже крошечный безымянный ручей. Никто о нем ничего уже не знал и не помнил: ручей давно загнали в трубу и закопали в землю, а в долине разбили целый микрорайон: ровные ряды кирпичных коро-

бок. Все, что осталось от ручейка, – две ветлы, росшие некогда рядом с ним.

Анька вернулась с чашкой кофе.

– Ладно, не дуйся, – сказала она, присаживаясь рядом. – Я не права.

Я забрал у нее чашку, отпил кофе.

– Я и не дуюсь. Это я не прав. Я, наверное, на самом деле все выдумал. Ничего такого не было.

Анька погладила меня по голове.

– Дурачок! – сказала тихо и поцеловала в щеку. – Фу, какой небритый. – Интересно, – глядя в стену, сказала Анька, – что с нами будет потом?

– Когда потом? – спросил я.

– Потом, когда мы расстанемся.

– А ты что, решила расстаться? – я приподнялся на локтях, пытаясь перехватить ее взгляд. Но Анька упорно рассматривала стену, словно пыталась в узорах обоев увидеть наше будущее.

– Ну, рано или поздно это случится, – полувопросительно сказала она.

– Рано или поздно случиться может все что угодно. Не думай об этом.

– Ты всегда уходишь от серьезного разговора.

– Я ухожу от пустого разговора. Какой смысл рассуждать о будущем?!

– А о прошлом?

– Прошлое – оно хоть было, а будущее... Его нет.

– Нет у нас с тобой?

– Почему ты сводишь все к одному?! – теперь разозлился я. – Ты хочешь, чтобы мы поженились?! Так и скажи об этом.

– Я просто хочу определенности в наших отношениях, –
Анька встала и опять ушла на кухню.

Я снова уставился в окно. Вновь пролетела черная птица, а ветла махнула голой веткой, опущенной едва проклюнувшимися почками... В последнее время все наши разговоры заканчивались таким образом.

...Жизнь в болоте не позволяет думать о высоте. Небо, кажущееся привлекательным со дна, на деле оказывается таким же болотом, как и твое, только расположенным чуть выше. Но я стремился к нему во что бы то ни стало. И все-таки вынырнул. Я действительно вынырнул. Совершенно случайно. Я ходил по дну, лишь втайне надеясь, что когда-нибудь случится чудо, и я окажусь на поверхности того болота, в котором долгое время жил. И оно случилось – долгожданное чудо! – я вынырнул. Но нахождение мое на поверхности казалось мне столь непрочным, что всякий раз, когда я занимал более или менее удобное положение, мне не верилось, что оно надолго... И все же до неба было еще далеко. Даже поверхность болота остается болотом. Не более того.

...Август. Холодные зори. Холодные вечера. Холод в на-

ших отношениях. Редкие поцелуи и те отдавали ледком. Я призывал тебя к любви (было еще время призывов и лозунгов), но ты относилась к моим словам... В общем, не относилась вовсе. И я опять ухожу. Мои «уходы» стали моей болезнью. неизлечимой. Это опять же – мой диагноз. Шизофрения, говорят, неизлечима, а мои уходы, они где-то на грани этого... Что ж, не вышло – лучше уйти.

Рассказывал ли я об этом Аньке или нет? Или все эти мысли остались внутри, не найдя выхода наружу? Наверное, все-таки нет. Иначе она ушла бы гораздо раньше.

...Заходя, выходя, переходя, я ухожу все дальше и дальше по намеченному не мной маршруту. Со своим хроническим тонзиллитом, осипшим голосом, все наперекор себе, прежде всего, поздравляю друзей с днем рождения. С днем моего рожденья. Но их окна холодны, и я становлюсь другим. Я начинаю думать, что было бы лучше, если бы день моего рождения стал в конце концов и днем моей смерти. Так было бы лучше.

5.

– Заснул, писатель?!

От испуга я даже подскочил на стуле. В дверь заглядывал Игорь. Узкие губы, растянутые в улыбке, и выглядывающие из-за них мелкие острые зубки, делали его похожим на Че-

ширского кота, который возникает ниоткуда и тут же исчезает в никуда.

– Испугал? – он растянул губы еще шире. – Не хотел, прости. О чем задумался?

– Так, замечтался, – отмахнулся я. – А ты разве не пошел с Антоном?

– Да ну его. Хочу провести сегодня вечер в трезвости. Тем более, что ко мне должна женщина прийти.

– Серьезная или как все предыдущие? – Игорь чуть ли не каждый месяц похвалялся своими победами. При его своеобразной, мягко говоря, внешности тетки отчего-то находили его неотразимым. Наверное, от того, что Игорь мог внимательно слушать любого собеседника, даже несущего откровенный вздор. Говорить с ним можно было о чем угодно. И хотя он по большей части молчал, всякий думал, что Игорь разбирается в теме гораздо глубже, чем ты сам.

– Пока не определился, – посерьезнел Игорь. – Вполне возможно, что это она.

– Кто?

– Судьба, – несколько смутился Игорь.

– И как ты это определил?

– Чувствую.

– У тебя есть время?

– А что?

– Хочу понять одну штуку. Сядь, объясни мне, что это такое.

– Судьба, что ли? – Игорь придвинул к себе стул, но садиться не стал.

– Да. От меня Анька ушла. Понимаешь? Я вот теперь думаю: может, это тоже судьба была?

– Ну если ушла, значит, не судьба.

– Как у тебя все просто. Ну, а если она вернется?

– Чего ты все «если да кабы». Если бы у бабушки был хрен, она бы дедушкой была, а не бабушкой. Вернется, тогда и поговорим.

– Нет, если ты говоришь «судьба», то все-таки, как ты это определяешь?

– Слав, ну как тут словами это определить?! Это чувствуешь в первую очередь. Слова тут вообще ни при чем. У вас что случилось-то? Поругались?

– В том-то и дело, что нет. Просто ушла – и все.

– Ну так не бывает, чтобы так просто.

– Видимо, бывает.

– Тебе видней.

– Еще бы. Ну и что там с судьбой?

– А что с судьбой? Я же говорю, это только чувствуешь.

– Вот и поговорили. Почему, как только разговор касается чего-то серьезного, все сразу переключаются на другие темы?

– Я чего заглянул-то. Тут говорят, тебе Марина должность предложила?

– Вот видишь. И ты, Брут. Ладно, о судьбе забудем. Пред-

ложила. Что дальше?

– Ну и?

– Думаю пока.

– Соглашайся, Славка, – Игорь постучал по спинке стула. – Подхалимаж, если помнишь, не из моего репертуара, так что говорю тебе совершенно искренне: соглашайся.

– А что так?

– А так. Человек ты толковый и спокойный. Голова опять же на месте. Честно говоря, у меня интерес корыстный. Я боюсь, если ты откажешься, назначат какого-нибудь полудурка административного. То-то будет весело, то-то хорошо. Или одну из этих Галок посадят. Прости, Господи. Слышал, говорят, что они те еще?

– Это какое-то отношение к делу имеет?

– Ну, пока не имеет. А потом может и возыметь. Не хватало нам еще тут рассадника. И так нормальных через одного. Так что, вперед и с песней!

– Спасибо, конечно. В следующий раз лъсти больше – мне это нравится. Но пока ничего не скажу.

– Ладно, думай. А Аньку-то верни. Она тетка реальная.

– У тебя все реальные. Один я нереальный.

– Будешь таким, если ее не найдешь, – сказал Игорь и исчез.

– Кто из нас нереальный – еще вопрос! – хотел я бросить ему вслед, но дверь уже плавно затворилась.

Я постучал по клавиатуре в надежде вспомнить Анькин е-

mail. Сам же заводил ей почтовый ящик на Яндексе. Но кроме первого anet, в голову ничего не приходило. Anet была с каким-то продолжением, но с каким? Кусок фамилии? Фрагмент отчества? Или и того, и другого понемногу? Анька присылала как-то мне небольшое письмецо, около двух килобайтов. Что-то вроде: «Люблю. Жду вечером». Ну и в таком духе. Но я его сразу же уничтожил: не нравится мне, когда рабочий почтовый ящик забит интимной перепиской. Anet и тут зло посмеялась надо мной. Уходить – так совсем. Какое там – пока. Раз – и навсегда. Девушка без адреса. Вот, кстати, и телефон она поменяла на прошлой неделе, а я все собирался загнать его в память. И у родственников ее я ни разу за все пять лет не был. Да и была ли Анька? Может, и Аньки никакой не было? И проведенные с ней бок о бок пять лет – только сон?

– Славка! – снова нарисовался в дверном проеме Игорь. – Тебя там на вахте женщина какая-то спрашивает. Говорит, что родственница.

– Какая родственница?! – отмахнулся я. – Иди, не успокаивай меня. Перебыюсь как-нибудь без твоих глупых розыгрышей.

– Мне ее сюда привести или сам соизволишь спуститься? – устало сказал Игорь. – Я, между прочим, с первого этажа на четвертый поднимался не для того, чтобы шутки с тобой шутить.

– Мог бы и позвонить, шутник.

– На вахте телефон полетел. Так что пришлось напрячь ноги ради тебя.

– Ты серьезно, что ли? – снова не поверил я.

– Фома неверующий! Говорят тебе русским языком: женщина спрашивает тебя на вахте. Представилась твоей родственницей. Вполне возможно, потому что для любовницы она явно старовата.

– Нет у меня никаких родственниц здесь. Старая тетка?

– Совсем-то старенькой не назовешь, но в возрасте. Одета так, по-простому. Можно сказать, даже по-деревенски.

– Черное платье, платок, сумка?

– Да вроде без сумки. Нет, пакет какой-то в руках был. А причем тут сумка? – недоуменно посмотрел Игорь.

– Вызывай милицию, Игорь. Это террористка.

– Вот пойди и скажи ей об этом, – обиделся Игорь. – Она тебя, между прочим, Славиком назвала. Так и сказала: как, говорит, мне Славика Михайлова найти?

– Славиком говоришь? Ну, ладно, пойдём посмотрим, что там за родственники из деревни.

Мы спустились на первый этаж, где у входной двери был оборудован пост охраны. Конторка с телефоном, выдавший виды письменный стол и настольная лампа, пережившая, наверное, не одного охранника, – вот и весь антураж боевого поста. Насупившийся вахтер дядя Коля с мрачным видом слушал историю не известной мне женщины.

– Мы от города далековато живем. До райцентра кило-

метров тридцать, – объясняла тетка. – Так особо-то не поездишь. Дорога плохая. Как разбили ее еще при Горбачеве, до сих пор отремонтировать не могут. Да нам в город-то и не особо надо. Тряпки какие – спекулянты завезут. Или автолавка когда заедет. А еда у нас своя вся. На земле живем. Огород есть, хозяйство небольшое. Много-то в нашем возрасте уже не потянешь. Пенсия какая-никакая, но моя. Нормально живем. Чего нам еще надо?!

При нашем появлении дядя Коля облегченно оторвался от собеседницы и кивнул в мою сторону:

– Вот он.

Тетка настороженно замолчала, вглядываясь в мою сторону, и вдруг зарыдала в голос:

– Славик! Детонька! Я ж к тебе с бедой-то какой приехала!

Я растерянно остановился, но женщина уже повисла на мне и запричитала громко, уткнувшись в плечо.

Игорь удивленно покрутил пальцем у виска. Я свободной рукой махнул ему: иди, мол, все в порядке. «Террористка» оказалась бабой Нюрой, младшей сестрой моей родной бабки. Ни ту, ни другую я не видел уже года три. Все было недосуг выбраться на историческую родину.

6.

– Умерла моя Олюшка, сестрица моя родная, – отирая слезы, выдала, наконец-то, баба Нюра причину своего приезда. – Вот, приехала тебе, Славик, сказать об этом. Ты ж у нее

один любимый внучок и был. Все ждала она тебя, но не дождалась, – баба Нюра была готова снова заголосить.

– Когда умерла? – у меня перехватило в горле.

– Да уж больше месяца прошло, как схоронили, – осторожно сказала баба Нюра, явно отодвигаясь от меня.

– Не понял?! – разозлился я. – Бабка умерла месяц назад, и ты только сейчас приехала сказать об этом?!

Баба Нюра испуганно захлопала глазами.

– Да у нас и телефона вашего нет, – затараторила баба Нюра. – Ни твоего, ни матери с отцом. Оля-то знала, но у нее ж не спросишь. А почту у нас закрыли. Еще прошлым летом. Никто не пишет, газет не читает. Она и не нужна стала. А Оля умерла одним днем. В субботу в бане парилась, стала в избу заходить, да прямо у порога и упала за мертво. Слова не успела сказать.

– Не, я так и не понял: ты почему только сейчас приехала?! Сейчас-то возможность появилась – приехать сказать. Почему тогда не было?

– Да, закрутились, Слава, – забежала глазами баба Нюра. – Похороны, поминки. Огород начался. Землю-то не оставишь. Да и на чем выбиратья?! Автобус ходит раз в неделю, все одно не успели б. А сейчас сосед машину наконец-то починил, подвез меня. Я тут заодно на поминки муки набрала. На сороковины, думаю, приедете?

– Родителям надо телеграмму отправить, – в задумчивости произнес я.

– А они где? На даче? – с любопытством посмотрела баба Нюра.

– Они уже год на Севере, в Надыме живут. Преподают там в каком-то университете.

– Господи, – вздохнула баба Нюра. – Вот жизнь-то забросила. И я ведь, старая дура, ничего не знала, – говоря это, она посмотрела на меня с легким укором. – Чего ж теперь делать-то?

– Брошу им письмо по электронке. Быстрее будет. Но приехать они вряд ли смогут: дороговато обойдется. Да и смысла уже нет.

– Да уж, конечно, какой теперь смысл, – обиженно поджала губы баба Нюра. – Олю все одно не вернешь. Ты-то хоть приедешь?

– Когда сорок дней?

– В эту субботу приезжай. Я уж и монашек нашла. Придут отпоют как положено.

– А это зачем? – не понял я.

– Положено так, – важно пояснила баба Нюра. – Душу отпеть надо.

– Автобус по каким дням ходит?

– В субботу из райцентра в три часа. К вечеру как раз поспеешь. Мы раньше семи не сядем.

– А обратно?

– Да он сразу же и уезжает. А тебе куда торопиться-то? Поживешь у нас, Славик, выходные. Хоть посмотришь, как

мы с дедом сейчас живем. Мы себе телевизор новый справили. Цветной. А хочешь в бабкином доме остановишься. Там сейчас никто не живет. Один будешь королем жить. А в понедельник с утра попрошу соседа, он тебя до райцентра добросит. Ну, ждать тебя? – пристально посмотрела баба Нюра.

– Приеду.

– Вот и ладно, – сразу заторопилась она. – Пора мне. Скоро уж темнеть начнет, а нам ехать далеко. Дорога-то плохая, а у нас еще мост в этот разлив унесло. Так что в объезд поедем. Ну, ладно. Прощаться не будем. Ждем тебя.

Тяжелой походкой, переваливаясь с ноги на ногу, баба Нюра потащилась к стоявшей на обочине машине. Неуклюже втиснула свое громоздкое тело в игрушечную кабинку «Запорожца», громко хлопнула дверцей.

Я же ее совсем не знал, бабу Нюру. Смутные детские воспоминания. Лето. Жара. Мы с баболей (два слова – баба и Оля – слились для меня навеки в одно) приходим к бабе Нюре. Двор. В тени чахлой яблони прячутся куры, лишь петух важно прохаживается, периодически выбивая пыль из притоптанного грунта. Белый платок бабы Нюры. Черный хозяйственный фартук. Она достает из кармана карамельку и протягивает ее мне. Я разворачиваю фантик, конфета падает на землю. Подбегает какая-то шавка и тычется носом прямо в конфету. Мне хочется зареветь, но я сдерживаюсь.

– Растяпа какой! – говорит баба Нюра.

Почти все. Нет, еще совершенно туманный фрагмент.

Чаепитие вечером у баболи. Баба Ньюра рассказывает про какую-то Дуську, которая связалась с баптистами из соседней деревни. Баболя ахает, крестится и в ужасе шепчет:

– Упаси Бог, от такой страсти!

Я пугаюсь вслед за бабушкой. И страшное слово «баптист» преследует меня еще целый день.

Потом они из-за чего-то поругались с баболей. И упоминать в ее присутствии имя младшей сестры было запрещено.

– Помирать буду – ее не позову! – грозно выговаривала бабка соседкам. – Так ей и передайте!

Но вышло по-другому. Хотя, по-моему, они так и не помирились до самой бабкиной смерти.

– Анька не вернулась? – встретил меня вопросом Игорь следующим утром.

– Нет.

– Звонил ей?

– Куда?

– Можно подумать, мы ее мобильного не знаем, – съязвил Игорь.

– Не знаем.

– Это как же так?!

– А вот так, – усмехнулся я. – Номер поменяла перед уходом.

– А родители, родственники?

– Существуют где-то. Не знаю.

– Как не знаешь? – Игорь выпучил глаза. – Вы же не первый год живете?!

– Да вот так! – отмахнулся я. – Слушай, не томи душу. Отстань со своими расспросами.

– Как знаешь. Насчет должности-то надумал?

– Нет еще. В понедельник надумаю. Съезжу к родственникам в деревню на выходные, развеюсь. Может, на свежем воздухе голова думать начнет.

– Ты там особо-то размышлениями не занимайся. Голова опухнет, – усмехнулся Игорь. – Хотя дело твое, конечно. Жаль, если откажешься.

– Ладно, давай закроем тему. Поговорим в понедельник.

– А Марина тебе какой срок дала? – не унимался Игорь.

– Вообще-то, сегодня ответа ждет. Думаю, потерпит. Тем более, мне надо обязательно скататься в деревню.

– Что-то случилось?

– Да бабушка умерла, а я только вчера об этом узнал.

Игорь сделал сочувствующее лицо.

– Ой, только не надо соболезнований, – скривился я. – Не люблю соплей этих. Ладно, пошел я к Марине, – я вышел из кабинета, едва ли не отодвинув Игоря от двери. На душе было и без того муторно, чтобы еще выслушивать его псевдопечали по поводу смерти неизвестной старушки.

Разговор с Мариной оказался по-военному короток.

– Понедельник так понедельник, – неожиданно легко со-

гласилась она. – Думаю, после деревни ты по-другому будешь смотреть на жизнь.

7.

Автобус до Петровки был забит до отказа. Ехали в основном дородные тетки, державшие на коленях клеенчатые чепочные сумки. То ли перекупщицы, то ли, наоборот, сбытщицы излишков сельхозпродукции. Они галдели на весь автобус, обсуждая какую-то Таньку, которую чуть не потеряли на рынке и как едва нашли ее, плачущую у пивного ларька. Причем к тому времени Танька успела залить свое горе не одной кружкой пива. В автобусе только одна из пассажирок спала, так что легко было сделать вывод, что это именно та самая потерянная Танька и есть. Достаточно молодая женщина в нелепом сиреновом свитерке, обтягивающем до неприличия ее высокую грудь, спала, откинув голову на спинку кресла. Из уголка приоткрытого рта тянулась тонкая струйка слюны. Автобусный гвалт Таньку не принимал: она безмятежно подрыхла до самой Петровки. Как я понял, Танька впервые выбралась в областной центр, и потому ей строго-настрого было приказано от толпы не отрываться. Но на Центральном рынке, особенно в субботу, потоки такие, что хочешь не хочешь, а тебя и оторвет, и закружит, и унесет. Видимо, в какой-то момент движения за товарками Танька растерялась и ее оттерли от группы, ну а там уже ищи-свищи их. Бабы-то сыр-творог распродали, а потом Таньку

и спохватились. Облазили весь рынок, собирались уже без нее возвращаться, но нашли. На ее голову. Представляю, что бедная Танька услышала в свой адрес и своей мамы, когда товарки увидели ее, утирающую горькие слезы, но при этом потягивающую пиво.

– Блядь такая, она еще и спит себе! – верещала рядом со мной тетка в изрядно поношенном мужском коричневом плаще. – Ничего ведь не продала, а пива нажралась!

– Да чего на нее ругаться, – спокойно произнесла сидевшая рядом со мной женщина. – Уймись уже, Вальк. Такой хоть нассы в глаза, скажет: «Божия роса». Зачем ее только взяли с собой?!

– Тебе легко говорить, а я Томке обещала за ней приглядывать. Мне как теперь той в глаза смотреть?! Не углядела за этой блядью! – не успокаивалась Валька, распаяясь все больше и больше. – Сейчас я ее подыму, она свои зенки бесстыжие враз разует.

– Хорош орать! – высунулась из кабины водитель. – Дома воспитывать будете.

– Ты еще поори! – отмахнулась Валька, но притихла, успокоилась сразу и через минуту уже сама спала.

До Петровки ехали без остановок. На полпути спал уже весь автобус, лишь через пару кресел от меня кто-то обсуждал, что сейчас носят в городе и насколько это дорого, если покупать в магазине, а не на вьетнамском рынке.

– У вьетнамцев, между прочим, все то же самое, только

дешевле, – долетело до меня сквозь гул мотора.

– Да я слышала, у них магазины все скупают, а потом просто бирки переклеивают, и цену набавляют.

Стало скучно, я достал из сумки книгу и уткнулся в текст.

До Петровки – в объезд – ехали больше трех часов. Я успел дочитать купленный в дорогу новый детектив Донцовой. Самое чтение для автобуса, если бы не так трясло. Но даже с перерывами на особенно тряские участки разбитого асфальта, иронический роман был добит мною за полчаса до приезда. Иронии я, правда, там никакой не увидел, но книжка читалась на удивление легко, и даже глупейшие ситуации, в которые постоянно попадала главная героиня, в кресле старенького «ПАЗика» воспринимались без особого душевного надрыва.

Когда автобус притормозил на площади у конторы, водитель все так же высунулся в окно и уже беззлобно крикнул:

– Бабы, будете выходить, подругу свою не забудьте!

Бабы загалдели, подхватили сумки и повыскакивали из автобуса.

– Танька, подъем! – гаркнула Валька практически над моим ухом.

За спиной зашевелились.

– Приехали, что ль? – спросил сонный голос.

– Выспалась?! – с ехидцей произнесла Валька. – Мать-то тебе вставит сейчас. Что, съездила в город?! Поторговала?

Танька шумно зевнула.

– Не твое дело, – сказала сквозь зевоту и, расталкивая оставшихся баб, стала пробиваться к выходу.

Центральная площадь Петровки за те три года, что я здесь не был, ничуть не изменилась. Разве что вдоль главной улицы тянулась газовая труба, выкрашенная коричневой краской, да кусты акации у колхозной конторы, служившей еще и пристанищем для местной власти, стали гуще и закрывали собой практически все здание, словно прятали его от кого-то. Над входной дверью, закрытой на амбарный замок, как приговоренный, понуро висел российский триколор. Я постоял, осмотрелся и закурил. До бабкиного дома ходьбы не больше пяти минут. По прямой. Но на этот раз прямой не было. От конторы двумя широкими полосами вглубь деревни уходила глубокая колея, наполненная до краев маслянистой жижей. И только вдоль конторского забора была протоптана узкая тропинка, пройти по которой можно было только одному да и то, придерживаясь руками за штакетник. Я бросил окурочек в грязь, посмотрел как он погас, выпустив жиденький дымок, и наконец-то решился: прижался к забору и, вспоминая вслух весь свой запас матерных выражений, стал пробираться к относительно сухому участку дороги.

Окна баболиного дома, основательного и огромного в свое время, а теперь просевшего, словно уходящего в землю, были закрыты ставнями, перечеркнутыми поперек буквой Х из грязных досок. Я зашел во двор, постоял у крыльца, но так и не решился подняться. Погладил почерневшие

от времени перила. Под старой яблоней валялся цветной некогда мяч, дожди смыли краску, и теперь он, как грибождевик, серым комком торчал из едва пробившейся травы. Кусты сирени заполонили весь сад. Видно, в последние годы их никто не трогал: обычно баболя каждую весну подрезала новые побеги, чтобы под шапкой зелени оставалось место для внуков. В жаркие летние дни, когда даже до речки идти не было мочи, она бросала нам в сиреневые заросли старое покрывало, выносила плошку с ломтями черного хлеба, банку варенья, и мы с двоюродными братьями и сестрами, которых в деревне было много, деревянными ложками вычерпывали из банки густую массу, размазывали ее по краюхе и ели, отгоняя мух и ос. Я вспомнил еще, как поздними вечерами баболя загоняла меня домой, издали грозя сорванной хворостиной. А я долго упрашивал ее разрешить мне погулять еще немножко, еще полчасика, а потом, жалобно скуля, бежал к дому и уже у ворот получал жгучий удар по голым ногам. Плакал ли я тогда? Не помню. Скорее – нет. На бабу Олю невозможно было обижаться. Моя любимая железная зеленая кружка с отбитой по краям эмалью уже стояла на столе, теплая от парного молока, а рядом лежал кусок белого хлеба, на котором аккуратной колонной возвышались три куса сахара-рафинада. Я прихлебывал молоко и поочередно то откусывал от горбушки, то вгрызался в твердый сахарный кубик. И эта церемония, повторявшаяся из вечера в вечер, заставляла быстро забыть обиды. А нескончаемая

сказка про Финиста, который на ночь оборачивался соколом и летел за своей невестой, да только никак не мог долететь, усыпляла и окончательно примиряла с бабой Олей...

Глаза заволкло пеленой, я оттолкнулся от перил и быстро, насколько позволяла это раскисшая земля, зашагал к бабе Нюре.

8.

Баба Нюра жила через пять дворов от баболи. Дом, вытянутый во двор, а не вдоль улицы, как это принято в деревне, выделял его из всех уличных построек. Дед Петя в свое время учудил, решил строить не как у остальных. Дом получился высокий, крыша стояла острым углом, так что чердак был просторным, и дед Петя затевал там устроить что-то вроде летнего этажа. Но баба Нюра так и не позволила ему это сделать. «Будешь еще у меня по голове ходить», – аргументировала она свой отказ. Баба Нюра в отличие от сестры – женщина была обстоятельная. Сад – только яблони и вишня, огород – только картошка, тыква, огурцы, помидоры и капуста. И немного ноготков на крошечном, не вскопанном под овощи участке возле дома. Польза от них была множественная: сразу тебе и цветы, и лекарство, и в чай добавить зимой. Все остальное – баловство. Когда моя бабушка высадила под окнами сирень, баба Нюра долго ахала.

– Запустишь, она потом все забудет. Ни света в дом не пустит, ни под окнами ничего не посадить, – говорила она стар-

шей сестре.

– Да Бог с ней, пусть растет, – отмахивалась баболя. – Цветет уж больно красиво.

Баба Нюра, видимо, заметила меня в окно. Выскочила на улицу, по-утиному неуклюже побежала мне навстречу.

– Славик! Приехал! – заплакала она снова. – Ну, слава Богу. Я уж думала, что не захочешь. Пойдем в дом. Пока еще не все подошли.

– Здравсьте, – кивнул я, заходя в избу.

Через всю горницу тянулся длинный стол, сбитый наскоро из досок, прикрытых цветастой клеенкой. На широкой лавке у стены сидели два мужика, один из них вылавливал рукой из глубокой алюминиевой миски осклизлые огурцы, другой спокойно, по-философски наблюдал за этим мучительным процессом: огурец в самый ответственный момент выскальзывал и нырял обратно в миску, взбивая пузыри мутного рассола; из кухни высунулась хмурая девка в переднике и козынке, повязанной углом, что только подчеркивало остроту носа и подбородка, искоса посмотрела, что-то пробормотала сквозь зубы и тут же исчезла.

– Вот, внучок приехал, – представила меня баба Нюра мужикам, те кивнули и продолжили ловить огурец, будто игрались с ним. – Петр, иди сюда, – крикнула баба Нюра. – Славик приехал!

Дядю Петю, я почему-то никогда не звал его дедом, было

трудно узнать в сухом и жилистом старике. За те три года, что мы не виделись, он как будто усох и подтянулся, словно хотел спрятаться в самом себе.

– Ну, здорово, Слав! – протянул он растопыренную клешней ладонь. Ревматические пальцы не распрямлялись. – Вишь, у нас что. Жизнь какая.

Я пожал руку.

– Оля померла, – продолжал дядя Петя, удерживая мою ладонь. – Она тебе избу оставила. Сказала Нюрка уже?

– Нет еще, – удивился я этой новости.

– Ну, значит, скажет, – хмыкнул дядя Петя. – Потом поговорим. Помянем вначале. Самогоночки с дороги выпьешь?

При слове самогон мужики на лавке оживились и стали совершенно по-собачьи выжидающе поглядывать на дядю Петю.

– Я тебе сейчас дам самогоночки, зараза! – закричала с кухни баба Нюра. – Человек не евши с дороги.

– Все слышит, – ухмыльнулся дядя Петя. – Ладно, садись пока. Сейчас она тебе чего-нибудь пожрать принесет. Монашки только к восьми обещались.

– Ну, мы пойдем пока, Петро! – поднялся с лавки один из мужиков. – Потом-то подходить?

– Да куда ж без вас?! – ехидно произнесла баба Нюра, вынося из кухни тарелку с дымящейся картошкой. – Идите пока, придете к поминкам. Сейчас все равно делать нечего. Выпили по чуть-чуть и хватит.

– Помощники, тоже мне! – бросила баба Нюра, когда за мужиками закрылась дверь. – Послал Бог дармоедов. Позвала их столы сбить. Еще утром все сделали, и вот до какого часа сидят, выжидают. Давай садись, перекуси с дороги. Ирка, огурцы принеси! Ирку-то помнишь?! – обратилась ко мне баба Нюра. – Только моего жену?

Из кухни вышла все та же хмурая девка в переднике и козынке.

– Здравсьте! – без тени улыбки сказала она еще раз и поставила на стол миску с солеными огурцами.

– Ирк, ты-то Славку помнишь? – для проформы спросила баба Нюра.

– Помню, – сквозь зубы сказала та и ушла на кухню.

– Злая с утра ходит, – шепотом пояснила баба Нюра. – Толька запил опять. Чего делать с ним – не знаю.

– Баб Нюр, дядь Пятя сказал, что баболя мне дом оставила, – разламывая вилкой картофелину, уточнил я.

– Отписала, – поджала губы баба Нюра и, помолчав, повторила: – Отписала. В сельсовет, говорят, сходила даже. Что с ним делать-то будешь? Продашь, небось?

– Ну, наверно, продам. Не жить же в нем.

– Ты погоди пока. С родителями хоть посоветуйся. Может, они на лето приезжать будут. А мы зимой-то присмотрим. Или хоть Толька с Иркой поживут. Пока вы не решите. Они ж все с нами так и живут со свадьбы, вон половину им выделили. Говорю Тольке: отделяйся, пристраивайся и жи-

вите себе спокойно. А он: на что строиться? Все пропивает. Да и у нас таких денег нет, чтобы самим их отделить. Вон, ни детей, ничего нет. Разве это жизнь, Слав?

– Да-а, – протянул я. – Не жизнь.

– Ты, Слава, не думай, что мы на этот дом глаз положили, – отвела глаза баба Нюра. – Зачем он нам? Старья-то своего хватает. Жалко, если дом продашь. Все-таки сёстрин. Ты же знаешь, как мы с Олей жили.

– И как же? – осторожно поинтересовался я.

– Душа в душу, – уткнувшись глазами в пол, сказал баба Нюра. – Все-таки старшая сестра. Я ее уважала. Последний год, когда она плохая-то была, у нее ноги отказывали, я приходила каждый день, помогала.

Я закашлялся от неожиданности.

– И давно вы с ней подружились?! – разозлился я.

– Вот ты как, Слава, заговорил! – поджала губы баба Нюра. – Не ожидала, внучок. Да я могла бы и вообще не ездить говорить. Хотела по-людски сделать.

Баба Нюра встала и тяжело заковыляла на кухню.

– Пойду Ирке помогу, – сказала она, как мне показалось, сквозь слезы. – А ты сиди, ешь пока.

– Ладно, я тоже пойду, – встал я из-за стола.

– Куда? – с некоторым испугом спросила баба Нюра.

– Дай мне ключ от бабкиного дома. Там переночую.

– Что-то ты совсем не по-людски делаешь, Слава, – зло прищурилась баба Нюра. – В такую даль ехал, чтоб меня опо-

зорить на старости лет?! Что ж люди-то скажут?! Приехал внучок, а она его из дома погнала. Ты хоть поминки отсиди, а там делай, как знаешь.

Поминки я отсидел. Пришли незнакомые и полужнакомые мне люди. Каждому новоприбывшему надутая баба Нюра меня представляла, я тупо кивал, подставлял ладонь или принимал удар по плечу. Потом появились три старухи в черном, перекрестились на образок, висевший в углу под потолком, зажгли свечи и заголосили. Баба Нюра усердно им подпевала, вслед за ними клала поклоны, и выглядело это совершенно нелепо. Тем более, что одну из монашек я знал по рассказам баболи. Она называла ее Дунькой и говорила, что свои грехи та не успеет замолить до самой смерти.

– Монашка нашлась! – возмущалась баболя, когда видела, как Дунька направлялась на очередные похороны или поминки. – Забыла, как мужики ее за космы по огородам пьяную таскали. Сейчас вон святой стала. Не пьет, по церквам ходит. Как у Бога-то терпения на них хватает?!

Дунька пела жалобную песню громче всех, ее изрезанное глубокими морщинами лицо было исполнено такой скорби, что мне искренне стало жаль ее. Это сколько же надо грешить, чтобы обречь себя на такое мучение, как вечные похороны?

Сорок поклонов клали неспешно и основательно. Я дважды выходил покурить, стараясь задержаться на улице

подольше. Никак не мог заставить себя перекреститься и упасть на колени. Главное, я не был уверен: нужен ли баболе весь этот обряд, поможет ли он обрести ей вечный покой, о котором пели монашки? Сомневаюсь. Отношения с Богом у баболи были весьма своеобразными. В гневе она запросто могла выругаться матом, любила пропустить стопочку перед обедом, но при этом всегда перекрещивала рот и просила Господа простить ее. Грехи небольшие, может и простятся, но заставить еще и себя упрашивать неведомого мне Бога о прощении моей бабки, я не мог.

Расходиться гости начали уже после полуночи. Дядя Петя стоял у ворот и подсвечивал фонарем улицу. Узкий луч едва пробивал кромешную темноту. Кто-то из мужиков не удержал равновесия и свалился в колею, пьяно захохотали бабы.

– Лови его, а то утонет! – весело выкрикнул женский голос.

– Катька, твой, что ли, поплыл?! – засмеялись чуть дальше.

– Ну, заржали, – сурово, но без осуждения, произнес дядя Петя. – Ни одни поминки без ржания не обошлись. Вот жизнь какая смешная.

Затворив ворота, дядя Петя остановился рядом со мной на крыльце и закурил папироску.

– Ты, Славка, на Ньюрку не серчай, – помолчав, сказал он. – Баба – дура, сама не знает, чего мелет. Дом твой, как хочешь,

так и делай. Чего уж.

На улице начинало накрапывать. Косой дождь застучал вначале по стеклу, потом прошелся полосой по железной крыше, немного притих, как вновь забарабанил по крыше все громче, громче, и наконец обрушился сплошной стеной. Ирка выскочила из избы, пролетела, не глядя, мимо нас, захлопала в сарае дверями. Вернулась сырая и, утирая воду с лица, сказала, обращаясь словно в пустоту:

– Теперь дорогу совсем размочит.

– Да, дождь серьезный, – спокойно заметил дядя Петя. – Точно ведь размочит дорогу.

– Только не видал? – спросила Ирка у дяди Пети, вглядываясь в темноту.

– А в сарае нет, что ли?

– Нет.

– На сеновале, наверно, дрыхнет, – предположил дядя Петя тем же ровным голосом, что и всегда. Он, по-моему, вообще никогда не менял тональности. – Самогону наакался с утра. То-то я смотрю – банка одна пропала.

– Пойду погляжу, – устало произнесла Ирка и вновь побежала под дождь к сараю.

– Пойдем и мы, – бросил папиросу дядя Петя. – Побалакаем хоть немного. Расскажешь о городской жизни.

Баба Нюра разбирала со стола, смахивая в ведро объедки с тарелок.

– Ушли? – спросила она, не отрываясь от работы.

– Ушли, – кивнул дядя Петя.

– Толька-то появился?

– Ирка на сеновал полезла. Там, наверно.

– Спал бы уже там себе. Сейчас ведь разбудит его, опять скандалить начнут. Тебе-то здесь постелить? – сухо обратилась она ко мне.

– Нет, – отказался я. – Пойду к бабке.

– Вот ключи, – облегченно вздохнула баба Нюра. – Там протопить не помешает. Сырая изба после зимы. Дрова в сарае.

– Да ну вас, – махнул рукой дядя Петя. – Что ж у вас не полюдски все?!

9.

Пустота. И вокруг, и внутри. Словно выскоблили и мир, и меня серым металлическим скребком, отчего все вокруг (и я в том числе) опустели, заполнились пустотой. Пустой пустотой. Гулкой и звонкой. Как одинокие шаги в полуночной подворотне.

Звезды. Луна. Точнее – огрызок луны. Будто ее ели и бросили. То ли аппетит пропал, то ли вкус не ахти.

Ветер пригибает к земле кусты сирени. Они бьются цветущими верхушками друг о друга и жалобно скрипят. Про себя. Про свою жизнь.

На улице весна. От дурманящего аромата тепла и цветов, заносимого в открытую форточку, кружится голова.

Но, может быть, и оттого кружится, что болен, весь высох и жду не дождусь сказочного ветра, способного унести меня в небеса, как проделал он это с Ремедиос Прекрасной. Жаль, в этой жизни нет места сказке. Она пришлась бы весьма кстати.

На улице весна. Я держу ладони на стекле и чувствую, как ветер разносит по земле сладкие зерна любви. Но мои окна холодны. К сожалению...

...Все это романтический, а точнее – романический бред. Сидел и простым карандашом выводил в старой тетрадке, найденной у баболи в шкафу. Какая, к черту, Ремедиос Прекрасная, какие, к черту, зерна любви?! Я застрял в деревне, причем застрял – в прямом смысле. Проливные дожди, зарядившие в первый же день моего приезда, размыли дорогу так, что мужики даже трактор не решались выгнать из колхозного гаража, не говоря уж про рейсовый автобус, который, наверняка, и дорогу забыл до чертовой Петровки. Поначалу я себя успокаивал: посижу денек-другой, обдумаю Маринино предложение, может, планы какие набросаю. Успокоюсь, подумаю, что делать с Анькой, где ее искать. Деревенская романтика сыграет свою роль: долгие вечера, посиделки у дома, прогулки на окраине у реки, помнившиеся мне с детства, пойдут только на пользу. Но виртуально-детская деревня оказалась не похожей на реальную. После шума городского, который затих для меня, как кажет-

ся сейчас, практически навсегда, глушь деревенская – мертвая зона, где даже пейзажи: неестественно огромные и пустые поля, окаймленные прозрачными березовыми посадками, бьют по нервам, а не лечат их. К исходу недели заточения я почти умер со всеми своими идеями, поначалу буйствовавшими у меня в голове. Оставалось лишь положить ее под топор на удобный пень для колки дров, чтобы с ударом острия чуть придти в себя, оживиться, встряхнуться. Но – парадокс! – здесь везде газ, и пней, на которых так сподручно рубить буйные головы, днем с огнем не сыщешь. А жаль.

Что делать – не знаю. Бежать не получается. Настолько крепко засел в здешней грязи, что выбраться отсюда – на грани фантастики.

Ирка с Толиком пришли на следующий же день. Дипломатично постучали в окно и, не дожидаясь ответа, ввалились в сени. Слава Богу, хоть сапоги, заляпанные грязью, скинули на крыльце.

– Братан! – раскинул руки Толик и полез целоваться.

Ирка смотрела на него с нескрываемым презрением.

– Нажрался опять, – пояснила она мне поведение Толика, проходя в комнату и ставя на стол матерчатую сумку. – Мы тут еды принесли, с поминок много осталось. Мать передала.

– Братан! – тупо повторял Толик, держа за руки и глядя сквозь меня. Глаза у него остекленели и не выражали ничего.

– Да, братан, – повторил я за ним. – Проходи в комнату.

Толик, пошатываясь и придерживаясь за мое плечо, зашел на кухню и упал на табурет.

– Надо sprыснуть встречу, – едва шевеля языком, сказал он. – Ирка, разливай, братан все-таки приехал.

– Я тебе сейчас разолью, алкаш! – с нескрываемой злостью прошипела Ирка, но бутылку самогона из сумки все-таки достала.

Толик неловко ткнул своим стаканом в мой, расплескивая жидкость, сморщился от сожаления, что пусть небольшая, но все-таки часть самогона оказалась на столе и, запрокинув голову, вылил содержимое стакана в глотку.

– Ядреный, – отирая рот, сказал Толик. – Ну, что, братан, как дом делить будем?

– А что его делить?! – не удивился я крутому повороту темы. – Баболя мне его завещала. Я уж как-нибудь распоряджусь.

Ирка, насупившись, молчала.

– А то, что мы за бабкой ухаживали, ты не считаешь? – продолжил Толик. – Это тебе хрен по деревне?

– Может, вы завтра зайдете?! – спокойно предложил я. – Поговорим на трезвую голову.

– Пойдем, Толь, – поднялась Ирка. – Видишь, брат твой не хочет с нами разговаривать.

Толик приподнялся из-за стола, но не удержал равновесия и рухнул на пол, промахнувшись мимо табуретки. Ирка тяжело вздохнула, но помогать мужу не стала. Стояла и, сло-

жив руки на груди, молча наблюдала, как тот с трудом отрывает себя от пола.

– Мы завтра пойдем. Проведать, – подхватив Толика под руку, сказала Ирка. – Чтоб ты не скучал.

– Угу, – буркнул я.

В понедельник с утра, напялив старые дедовы кирзачи, я, чавкая грязью, потопал в контору.

– Куда грязь тащишь?! – возмутилась престарелая секретарша в приемной главы поселковой администрации. – Сапоги не мог помыть?!

Пришлось выйти на улицу и потоптаться в луже, взбалтывая грязь. Сапоги от этого чище не стали, но хоть комья липкой земли отстали от подошвы.

– Теперь можно? – вновь заглянул я.

– Городской, что ль? – несколько смягчилась тетка, поглядев на мои сапоги. – Я тебя что-то не знаю.

– Городской, – смиренно кивнул я.

– Из райцентра?

– Из области.

– Из области?! – разозлилась вдруг секретарша. – И чего надо?

– Да я насчет автобуса хотел узнать, – причину ее гнева я так и не понял.

– Какой автобус?! – тетка ткнула пальцем в окно. – Дождь третий день льет. Теперь, как минимум, через неделю к нам

решатся ехать. Дороги-то нет.

– А на чем отсюда можно выбраться? – с робкой надеждой спросил я.

– Сказала бы я – на чем! – почти с яростью бросила женщина. – Да образование не позволяет. Демократам своим претензии предъявляйте!

– Каким демократам?! – несколько растерялся я.

– Городским вашим, – объяснила секретарша. – Развалили все вначале, а теперь они ходят и удивляются: где автобус?!

– А позвонить от вас можно? – не унимался я.

– По межгороду?

– Да.

– Нельзя.

– Я заплачу.

– Да хоть расплатись весь. За неуплату отрезали.

– А где можно позвонить?

– А я откуда знаю? На почте.

– Так она закрыта.

– А я чем могу помочь? Небось, мобильный-то есть, вот и звони.

– Да, не берет он у вас.

Секретарша развела руками.

– Ничем помочь не могу. Уж тут-то я ни причем.

– Значит, автобуса тоже не будет?

– Слушай, ты чего вынюхиваешь тут?! – взорвалась тет-

ка. – Я тебе уже все объяснила. Нет ничего: ни телефона, ни автобуса. Иди, в другом месте ищи, демократ в штанах.

Поиски альтернативного транспорта успехом тоже не увенчались. Никто так и не рискнул выгнать свои старенькие допотопные «Запорожцы» и «Москвичи» из гаражей. Как заявил мне владелец одной железной кобылы, в такую погоду хороший хозяин и собаку из дома не выгонит.

– Я сто рублей плачу, – демонстрировал я коричневатую-желтую бумажку.

– Мне потом ремонт в тыщу обойдется, – сплюнул сквозь зубы мужик.

– Двести хватит? Тут езды-то.

Мужик почесал висок, в глазах появилось сомнение.

– Не-а, – наконец решил он. – Не поеду.

– Пятьсот, – повысил я ставку.

Мужик замолчал, покусал нижнюю губу, снова сплюнул.

– Если завтра дождь закончится, то послезавтра поедем, – выдал он.

– Мне бы сегодня надо, – с робкой надеждой протянул я.

– Сегодня никак, – отрезал мужик и ушел в избу.

Моего терпения хватило ненадолго. Уже к среде я смирился с тем, что Петровка еще на неделю станет моим домом, и перестал смущать местных жителей огромными, по деревенским меркам, гонорарами за вывоз моего тела за пределы деревни. Тем более, что к среде наши ежевечерние по-

сиделки с Толиком и Иркой приобрели новую окраску. Под непрекращающийся шум дождя, то едва слышный, то угрожающий, мы вдруг заговорили на темы, напрямую не связанные с домом никак: стали обсуждать местную жизнь. Ирка начала.

– А у нас колдунья живет, – ни с того, ни с его заявила она. – На отшибе дом видел? Порчу наводит.

Эту бабку я помнил с детства. Она вроде бы и не составила с той поры. Тогда мы ее очень боялись: одетая всегда в одни и те же черные лохмотья, постоянно – в некогда черном, но выгоревшем до серого цвета, платке, она почти не появлялась в деревне, ни с кем не общалась, даже пенсию не получала: почтальоншу, разносившую пенсию по домам, старуха начинала ругать, как только та появлялась в зоне видимости. Для деревни подобных странностей вполне хватало, чтобы считать Большуху, так ее прозвали, видимо, еще сто лет назад, ведьмой.

– Она и Тольку моего сглазила, – продолжила Ирка. – Он ей сена не привез. Толька ж до этого почти не пил совсем. А тут Большуха к нам приперлась и просит сена ей привезти: коз кормить. Ну, Толька и сказал ей, что ему сейчас некогда. Он на тракторе работал в колхозе. Она как зыркнет на него. Толька согласился, но уже поздно было. Большуха его уже сглазила. Он и запил через месяц где-то. Так и пьет с тех пор.

– Может, его к врачу свозить?! – предложил я.

Ирка недоверчиво на меня посмотрела.

– Какой врач? Тут бабку надо искать, чтобы его отшептала. Вроде, есть такая в Красивке, но Толька ни в какую не соглашается ехать.

День ото дня наши разговоры приобретали все больший философский оттенок. Правда, мировоззренческие установки Ирки, да и Толика, дальше колдовства, порчи и сглаза не уходили. Оба считали, что если бы не давешний сглаз Большухи, сейчас у них все было бы хорошо, и жизнь наладилась бы. Мои робкие призывы – искать причины в себе – отвергались напрочь.

– Раньше же он так не пил, – твердила Ирка. Толик заученно поддакивал, выплескивая в глотку стакан за стаканом.

Через два дня разговоры о черной магии мне порядком наскучили. Тем более, что рано или поздно они заканчивались намеком на то, что на баболином доме тоже может быть порча. Бабка, мол, с Большухой разругалась в свое время. Пришлось поменять тактику и перевести разговор в иное русло. На работе у нас сказали бы: перешли от чернухи к позитиву. И к субботе, когда Ирка позволила себе небольшую передышку в сдерживании питейных порывов мужа и выпила вместе с ним, за компанию, мы и вовсе стали травить анекдоты. Травил, по большому счету, один я, потому что Толик по обыкновению дремал, изредка вскидывая голову, а Ирка анекдотов не знала, кроме совсем древних, так что даже над старыми запиленными шутками она искренне хохотала. У нее оказались на редкость красивые зубы, ровные

и плотно, без единой щелочки подогнанные. «Ее бы подкрасить и переодеть, она бы ничего себе вышла, – подумал я, глядя на ее зубы. – В других условиях она могла бы и Ремедиос Прекрасной быть». Я представил Ирку в легком платье, которое колышет ветер, длинные волосы разметались в разные стороны. Она стоит у околицы деревни и улыбается, глядя куда-то за линию горизонта. Прямо хрестоматийный образ романтической девушки.

– Блин, прикольно, – сказала Ирка, просмеявшись. – Что там еще у вас в городе рассказывают?

Ремедиос Прекрасная мгновенно была унесена ветром, и передо мной осталась немолодая уже идиотка, запуганная на излете двадцатого столетия колдунами и ведьмами.

За неделю своего вынужденного заточения в Петровке я понял, почему здесь пьют. Большуха тут явно не причем. Тоска, безысходность и неумение занять себя – вот три слагаемые части деревенского несчастья. Я тоже пробовал пить. Но мне – в силу выработанной годами привычки – нужна после этого хорошая компания, адекватный разговор, на худой конец – танцы. Здесь же ни первого, ни второго, ни третьего. Да и от местного самогона никакой радости. Дурнота одна. После первого стакана хочется найти веревку, перекинуть ее через сук и удавиться. После второго – начинаю искать веревку и дерево. После третьего, слава Богу, ложусь спать. Так что со своим вечерним чаем вместо самогона я, наверняка, казался Ирке с Толиком не вполне здоровым.

– Прикольно, – повторила Ирка. – Ну, рассказывай еще.

Толик приподнял голову, пробормотав что-то невнятное, и тут же уронил ее на стол. Я пожал плечами:

– Вроде все.

– Да-а?! – разочарованно протянула Ирка. – Может, вспомнишь? Я давно так не смеялась.

От самогона она совсем покраснелась, глаза блестели, и если бы она еще молчала...

– Слава, – Ирка впервые за все время назвала меня по имени. – Вот ты человек образованный, все знаешь. Скажи мне, – она помолчала, раздумывая – говорить или нет. Решившись, она выдохнула: – У меня Толька ничего уже не может... Понимаешь?.. Это порча? Или можно вылечить?

Я покосился на Тольку, безмятежно сопевшего, уткнувшись лицом в стол. Откровение Ирки озадачило меня. На роль духовника я никак не претендовал.

– Не знаю, – пожал я плечами. – Сейчас многое лечат. Импотенцию тоже.

– Угу, – поджала губы Ирка. – Если порча, вряд ли. У тебя такого не было?

– Да вроде нет, – покраснел я.

– А ты вообще-то симпатичный, – разглядывая столешницу, сказала Ирка и придвинула свой табурет ближе ко мне.

Я смутился совершенно. Пару раз мне признавались в любви, не без этого, но здесь, в деревне, услышать почти признание от полупьяной женщины мне почему-то показа-

лось верхом неприличия. Но Ирка, видимо, так не считала, потому что спокойно расстегнула мне брюки и стала тереть, причем иногда достаточно больно, мой член. Я никогда не был пуританином и лицемером, и если женщина сама просила, всегда шел ей навстречу. Однако нынешняя ситуация была не из привычных. Больше того, ситуация была нелепейшей, да я, честно говоря, испугался: не проснется ли Толик. Она поняла одну из причин моей сдержанности, потому что, наклонившись к уху, прошептала:

– Он теперь долго будет спать. Пойдем.

Она так и повела меня в спальню, держа за член. Абсурд – не выходило из головы. Империя петровских чувств какая-то.

Ирка скинула с себя халат и повалилась на кровать, увлекая за собой и меня. Мне пришлось ей уступить. Наверное, я слишком слабохарактерный, если так легко уступаю под напором чужой воли. У меня от волнения даже ладони вспотели. Какой там секс, я был уверен, что и лечь на нее не смогу. Но надо отдать ей должное: в рамках своего деревенского образования она была мастерицей и все-таки добилась того, чтобы я принял боевую позицию...

– Спасибо, – сказала Ирка, отвернувшись к стене. – Я думала, что уже забыла, как это делается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.